

26

марта —
выборы
народных
депутатов
СССР

Кому
доверить
мандат?

Избирательная кампания вступила в новый этап. Началось обсуждение кандидатов в народные депутаты СССР. Отклинувшись на предложение газеты высказать свое мнение о наименее кандидатах, в ходе предвыборных собраний, читатели делятся своим соображением, предлагают пути совершенствования избирательной практики.

Наши предвыборные телефоны включены. Звоните: 285-67-03

Дмитрий ВЛАДЕЕВ,
член Союза писателей СССР

Окружные комиссии по 636-му и 637-му территориальным округам, райкомы и Татарский обком КПСС взяли на себя роль истолкователей Закона о выборах. Ими винтируется множество протоколов предвыборных собраний. Меня, скажем, выдвинули кандидатом в депутаты семи трудовых коллективов. Не сегодня превозмочены призван только один протокол. В практике предвыборных кампаний в этих округах нет четкости позиций, оперативности. Кривая недовольства рядовых избирателей ползет вверх.

Л. РЫБИННА,
корреспондент газеты
«Башкирский Сафаджы»

А. Адамович, директор Все-союзного научно-исследовательского института киноискусства, выдвинут кандидатом в народные депутаты СССР от Союза

кинематографистов, но, я думаю, что его кандидатуру поддержали бы многочисленные избиратели и не от творческих союзов: люди знают его как наставника общественного деятеля.

На днях мне довелось слышать его выступление на учредительной конференции общества «Мемориал». А. Адамович, несомненно, один из лидеров этого благородного движения. Его принцип — экология нашей превосходности. Мы уже имеем право жить в скандинавских лесах, которые сковывали нас долгие годы. Такие люди, как А. Адамович, помогают всем нам стать чистыми и честными перед собой, перед национальным достоянием.

СВЕРДЛОВСК.
М. ВАЛЯШОВА,
старший научный сотрудник
Прозрачного юридического
татарского училища

В Ярославле зарегистрирован кандидатом в народные депутаты А. Цветков, заведующий отделом областного комитета по телевидению и радиовещанию.

Ярославцы знают его, ждут подготовленных им теле-

программ. Они актуальны, кратки, на стыке проблем перспективы.

Политическая программа национального кандидата рассчитана на решительный снос административно-командной системы. Он отстаивает действенный, но не мифический механизм отзыва депутатов, не опровергает доверия избирателей. А. Цветков поддерживает и внедряет принципы правового государства. Он из настоящих бойцов перestroек, активно борется за уважение, которое полностью совпадает с линией партии на демократизацию и гласность.

ЯРОСЛАВЛЬ.

— Значит, прежде чем стать поэтом, необходимо глубоко изучить традиции национальной поэзии!

— Это — обязательное условие. Я знаю немногу сотни стихов наших классиков, но не потому, что сама пишу стихи. Из века в век в таджикских семьях любовь к поэзии и премионение перед поэтическими словами передавались от отцов к детям. Я родом из села, и мои родители, простые сельские труженики, тоже знали множество стихотворений. Старинные рукописи стихов, написанные каллиграфической арабской рукой, почитались в каждом доме наравне с Кораном. Когда мати уходила на работу в поле и оставляла в доме младенца, она ставила над его изголовьем старинную книгу, чтобы отогнать беду. С благоговением относился народ к своей древней национальной поэзии. Чего, к сожалению, не склоняется сегодня.

Мы встретились с таджинской поэтессой Гулрухсур Сафиевой в гостинице «Москва» буквально через день после того, как сокрушающая стихия землетрясения стерла с лица земли здания домов, унесла сотни жизней ее земляков. Гулрухсур задержалась в столице после писательского пленума, на котором читала свои новые землетрясение-поэмы.

Наш разговор постоянно прерывался землетрясениями.

Гулрухсур благодарила откликнувшихся в телеграмме земляков из Душанбе. После одного из землетрясений голос ее зазвучал глухим, с софиями, что характерно для Болонийский и Юрьевский Питирин, член правления Советского союза писателей культуры, первым из наследственного отдал патриархии пять тысяч рублей в помощь пострадавшим от землетрясения.

— Тяжкое потрясение выпало на долю моего народа, — говорит Гулрухсур. — Жизнь таджиков по своим природным условиям очень налегка: большая часть распределяется в горах, в горы учат людей стойкости и мужества. С помощью братьев со всей страны мы преодолеваем беду.

Гулрухсур, наверное, никогда не видела такого количества поэтов, как среди горцев, — говорит о себе как-то отвечаю ее горестные мысли. Она и вправду наивного очарования.

— Да, по древним определениям, каждый второй таджик пишет стихи. Я не говорю сейчас о качестве современных стихов в сравнении с классическими образцами, — с ними, на мой взгляд, ничто не может сравниться. Я говорю о поэтическом языке как наставлении национальной культуры и духовности. Таджики прошли через многое испытания. От арабов у них остались арабская письменность (которую, правда, заменили уже в годы Советской власти сначала на латинскую, а потом на кириллицу). Но поэтический язык остался неизменным.

— Значит, прежде чем стать поэтом, необходимо глубоко изучить традиции национальной поэзии!

— Это — обязательное условие. Я знаю немногу сотни стихов наших классиков, но не потому, что сама пишу стихи. Из века в век в таджикских семьях любовь к поэзии и премионение перед поэтическими словами передавались от отцов к детям.

— Это — обязательное условие. Я знаю немногу сотни стихов наших классиков, но не потому, что сама пишу стихи. Из века в век в таджикских семьях любовь к поэзии и премионение перед поэтическими словами передавались от отцов к детям.

— Да, это направление работы нашего Фонда стало определяющим. Мы обратились к людям с просьбой о помощи. Отклинулись и пожилые, и молодые, представители самых разных социальных групп. Многие стали приносить нам в дар старинные книги и рукописи. На них поиски от Фонда культуры отправились экспедиции, и когда мы свет извлекали из потемневших от времени, передко полууставшие тома, слезы наворачивались на глаза, и благодарность к предкам, которые донесли до нас нашу

— В чем, на ваш взгляд, причины этого явления?

— Одне из них, думаю, заключается в том, что сейчас осталось очень мало рукописей и старинных книг, немногие могут понять арабскую языку, которой они написаны. Книги насторожились в далекие годы, но и в нашем веке, в трудные тридцатые годы, не жителей, сбравших национальные реликвии, были смертельные гонения. Человека можно было выслать со своим землем, уничтожить лишь за то, что в его доме обнаружили старинную книгу. Люди, рискнув головой, прятали книги, зарывали их в землю, опускали на дно глубоких колодцев. Это было нитинтским желание сохранить свою самобытность, ибо, чтобы уничтожить народ, необходимо создавать атомную бомбу, достаточно уничтожить его культуру.

— Я знал, что Таджикский фонд культуры, председателем которого вы являетесь, начал большую работу по сохранению древнего поэтического наследия передаваемого от отцов к детям.

— Это — обязательное условие. Я знаю немногу сотни стихов наших классиков, но не потому, что сама пишу стихи. Из века в век в таджикских семьях любовь к поэзии и премионение перед поэтическими словами передавались от отцов к детям.

— Это — обязательное условие. Я знаю немногу сотни стихов наших классиков, но не потому, что сама пишу стихи. Из века в век в таджикских семьях любовь к поэзии и премионение перед поэтическими словами передавались от отцов к детям.

— Да, это направление работы нашего Фонда стало определяющим. Мы обратились к людям с просьбой о помощи. Отклинулись и пожилые, и молодые, представители самых разных социальных групп. Многие стали приносить нам в дар старинные книги и рукописи.

Организовали мы также и курсы арабской письменности: ведь современники, не зная ее, не могут по достоинству оценить древние рукописи. За последние два года курсы окончили более шестидесяти человек, число желающих постоянно растет; люди начинают интересоваться своей историей, своей самобытной культурой. Разве это плохо?

— В народном творчестве каждой республики есть любимый мотив, любимая тема. Конечно она у таджиков!

— Творчество народа выражает из самого жизни, национального достоинства, которые донесли до нас нашу

величайшую культуру, наполненную духом.

— Гулрухсур, вы имеете в виду, что выросло несколько поколений людей, которые в целом были всегда кувшинами?

— К сожалению, так, и это предмет моих серьезных размышлений. Больше, чем я могу помочь, я не могу.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

наличными орнаментами всегда украшали утварь, одежду. У кувшинов было многое общего с народным кувшином, который был кувшином. Надо было воспроизвести кувшинную форму, каждую разновидность кувшинов.

— Трудно было найти для поэтического языка,

• Людмила Зайцева: роль в кино и на сцене.
• «Я иду на первую смерть», — заявил адвокат генерал-лейтенант Т. Строкин. Теперь он стал звездой документального фильма.
• Давайте умножимся, исполнение блестящего актера Сергея Мартина.

ЭКРАН И СЦЕНА

еженедельное обозрение

- Дети «застоя» в атмосфере свободы.
- Технология театра.
- Вопросы к театру, или Возрождение императорского жара.

ПОСЛАНИЕ К ЧЕЛОВЕКУ

Заметки о I Международном фестивале неигрового кино

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ память устроена мудро: чем дальше событие, тем меньше появляется частности, тем четче проявляются его суть и образ — больше видится на расстоянии. Пока буряки фестивальных будни и праздники, пока тысячиких многонациональных фестивальных семья живут суетными вынужденными заботами — казалось, сама эта кутерьма и была главным, в ней терялось настоящее лицо ленинградского форума — его документальный экран, собирающий художников всего мира под своим гуманистическим девизом «Послание к человеку».

В кулуарах между просмотром да и на пресс-конференциях участники фестиваля неоднократно с раздражением обсуждали совсем иные кинематографические проблемы, скандалы, работу пресс-центра, службы информации. И ведь было отчего редчайшие. Вы можете себе представить пресс-центр без телефонов и пишущих машинок или пресс-боксы с клочками, но без всякой информации! Это было не Ленинградским фестивалем. И фестивальная газета «Кентавр», сообщавшая многочисленным гостям, сколько масла и колбасы тратят на день и проводы излишевые курьезы, не очень-то блеска занялась кинематографическими новостями и киноподобными рассказами о фильмах и их создателях. К сожалению, в «кинематографическом органе» фестиваля не были привлечены опытные специалисты-кинокритики, члены съездов выпускались например, интересные газеты не «Золотом Драконом» в Одессе.

Да, было отчего раздражаться, но, думаем, все же не эти войды в историю Ленинградский фестиваль. Подведены итоги, назначены победители, и вот уже стали проявляться истинный дух и характер прошедшего форума — через его искренние достижения и потери, через образы и проблемы современного документального киноискусства.

Я давно взялся за различные киноискусства в Советской Союзе — сказал директор Западноберлинского кинофестиваля Ханс Шлегель, — и уже привык ко многим организационным огорчениям. Я, например, сейчас собираю пятьсот по программе предстоящего Западноберлинского фестиваля, и мне кажется, что получу информацию по советскому кино только благодаря давним личным контактам с Союзом кинематографистов СССР и с отдельными режиссерами. Если бы в виде официальных источников, то катафуз вышел бы вообще без данных о фильмах из СССР. Но во всем том меня радует сам факт проявления такого серьезного маж-

жилиссимуса на окраине Свердловска, где смотрели и горячо обсуждали его «театр времен перестройки и гласности».

Показать картины в обычном кинозале было невозможно, она существовала лишь на видеокассете, записанной на слишком качественно. И все-таки собирала полные залы. В форме изящного сатирического панфилета режиссер открыл говоря о сложных общественных проблемах, называл имена людей, да не каких-то, а ныне здравствующих и действующих. Вот и нашлись у картины противники, которые не терпят надежды прикрыть ее, а то и вовсе уничтожить.

Но сегодня фильм уже видят миллионы телезрителей, как и узнали о его неслыханной судьбе.

Во «Встречном иске» режиссер остался верен себе. Фильм показал извественому писателю и общественному деятелю Алью Адамовичу. Казалось бы, несложно снять фильм о личности со столь яркой биографией. Картина же рассказывает о драме человека, оторванного от своей родины — белорусской. Адамович призвал говорить правду. О страшной войне, которую пережил сам, зоне в партизанском отряде, а потом о которой вместе с Э. Климовым снял «Иди и смотри». О Чернобыле, его трагически отголосках в судьбе своей земли. Он же выиграл процесс против бывшего прокурора И. Шеховцова, судившегося с «Советской культурой».

30 октября, Минск. Митинг в день поминовения предков. Вокруг этого события до сих пор стекаются разноречивые мнения: правомерно ли действовать милиция, были ли это применены специальные средства. Рудерман, пожалуй,

и несложно сказать, что он несомненно коронует «Серебряного кентавра».

В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Целый ряд зарубежных картин, пожалуй, сильно пронгрязвал тем, что они были чересчур длинными. Среди приславших в отборную комиссию лент короткометражек почти не было. Думается, многие фильмы выиграли бы, будь они значительно короче. Это и кавказский «Мир наблюдает» П. Реймонта, и израильский «Виновата война» О. Бен-Дор Нива, и австралийский «Гробки и бульдозеры» Д. Конрада.

Итак, отбросив частности, вспомним о главном. Пройдет через все муки трудного роженика, появится на свет новый международный фестиваль.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в устройстве жизни инвалидов.

Среди исконных открытий фестиваля прежде всего хотелось бы назвать шведскую картину «Режиссер Андрей Тарковский» М. Лещинского, завоевавшую «Серебряного кентавра». В фильме запечатлены съемки «Картвельского канала», причем в самые трагичные для Тарковского дни, его размышлении, воспоминания окружающих его в то время людей. И, несмотря на свою внешнюю простоту (казалось бы, автор лишь наблюдает за Тарковским), фильм врезается в память, потому что его пронизывают очень бережные, тактические отголоски в судьбе своей земли. Ну и, конечно, многое научит нас в

МОНОЛОГ

Одно из самых драматических противоречий сегодняшней театральной ситуации — то, что свободные разноголосия «свободного» искусства должны заниматься люди, душевный аппарат и образ жизни которых сформированы в атмосфере застое. Пора зреести и расцвети счастья и склонению 70-х — многие ли из них находятся в себе мужество жить настегна паконом того времени, многие ли сохранили право, не потерявшись, смотреть в глаза приходящей свободе?

Тем не менее лицо сегодняшнего театра — это не лицо, и проблемы сегодняшнего театра — не их проблемы. Речь идет не только об общесоюзном известных лидерах, но об всех тех, кто, независимо и очищая себя, обращает взор к новому будущему.

Размышления режиссера Ю. Котова, некогда главного режиссера Волгоградского театра, а ныне — художественного руководителя театра «Новая сцена», — пебескорны. Плодотворность его начинаний подтверждена (или опровергнута) близкими будущим. Но вполне характерны и самооценки режиссера, и проблемы, с которыми ему довелось столкнуться в прошлом и настоящем. Его статья — нечто среднее между искривленным фестивалем и приложением к помоям — документ неизбежного времени, под которым, думается, могли бы подниматься имена...

МАРШ ПОБЕЖДЕННЫХ?

Какие только не появлялись за последние время эпитеты для определения поколения семидесятых: «дети застоя», «потерянное поколение» — и многое другое.

Герой одной современной пьесы с тоской говорит: «Как жаль, что проходит наше время», но что другой замечает: «Это не время проходит, то — мы уходим».

Помимо, как двадцать лет назад наш мастер, устало спускался в потрепанное кресло студенческой аудитории, сокрушаясь повторил: «Безвременье! Никакое безвременье...».

Но мы тогда еще не внимали. Какое безвременье... когда жаль, так прекрасна, самая лучшая профессия у тебя в руках, а сила студенчества, актерского братства всемогуща?..

Первые неудачи, конфликты, расхождения во взглядах с братьями-актерами в отчаянно-дикторским сразу навалились стечкой. Мы пытались объяснить пропавшие собственную слабость, дурноту характера, отсутствием боевских качеств, неумением вести «большую политику», надеялись на то, что в другом месте живут милые люди, жаждущие творчества... и все еще может получиться.

Странствуя из театра в театр, мы благодарили судьбу за то, что она родила нас в такой широкой и беспрекословной стране. Омысьлены трагичности этой самой судьбы пришло много позже, в еще позднее наступивший момент, когда сама профессия показалась бессмысленной...

Это уже не застой, катастрофа со всеми вытекающими последствиями насточила беды. Из всего нашего курса в пятнадцать человек в настоящее время профессионально работают двое или трое.

Когда теперь винить? Самых себя? Опять — себя?

А театральная страна между тем лежит в руинах. Иначе и не могло случиться. Разве мыслимо было удержаться, выстоять в тот период, когда создательно разрушалась вера в святотатство и незыблемость высоких чувств, мыслей, поступков? Годы страшной борьбы за право быть самим собой унесли лучшие силы старшего поколения нашей режиссуры, искалечили тех, кто начальник.

Сердце сжалось от боли, когда я увидел своих коллег и знакомых в спиртоватом столице в буфете Дома актеров с плачевным «Товарищество режиссеров». Вот уж действительно: спасение утопающих — дело только их собственных рук!

Невероятно, но именно сами труппы сейчас

отторгают смелое, яркое, новое. Скука в потаски глазах.

— Я уже все перепробовал! — заявляет тридцатилетняя актриса. И становится «балластом» застое. Пора зреести и расцвети счастья и склонению 70-х — многие ли из них находятся в себе мужество жить настегна паконом того времени, многие ли сохранили право, не потерявшись, смотреть в глаза приходящей свободе?

Что ставить? К чему призывают? Не есть ли вообще в этом какой-то смысл? — раздаются голоса на худсоветах.

— А что вы можете показать со сцены такого, чего я, взрослый человек, не знаю или не испытал? — спрашивает рядовой зритель.

А действительно, что?

После того, как в поле широкого зрения попал расстригенный, затоптаный в вечную мерзлоту листья пласт нашей культуры, открылась катастрофа в «экологии духа». После всего, что дала обществу гласность, театр уже не мог выполнять свою прежнюю, годами отработанную функцию — подтверждая спектаклями правильность «линий» и иллюстрируя тексты передовых статей центральной или местной газеты. Попытка — но не смог.

Многие режиссеры стали безработными в годы застое, но становились ли мы работющими сейчас, найдем ли в себе силы, чтобы подняться над искушениями и обидами? Ведь вдохновение и сам талант — вещи далеко не постоянные, не поддающиеся консервации на неопределенно долгий срок.

Выхватывая из прошлого идею театра-студии, время неизмеримо активизировало поиски выхода из тупика. Все неудовлетворенное, невыказанное доселе, непоставленное — зазвучало в подвалах и других неприспособленных помещениях. Мы все невероятно обрадовались, оживились — вот, дескать, теперь нечего ждать милости от властей — твори, выдумывай... Но все оказалось настолько сложнее.

Во-первых, до сих пор нет четкого документа Министерства культуры, регламентирующего всю производственно-хозяйственную деятельность театров-студий. (Нас, например, отнесли к «третьей категории», хотя таковыми мы себя не считаем.)

Во-вторых, государственные органы, ведающие культурой, оказались неготовы и решению вопросов жизни и деятельности новых образований. У нас нет лимитов, нам ничего нельзя покупать, нам ничего не «положено». Предприятия-гаранты слабо заинтересованы в нашей работе, а финансовый доход от сборов лишь вызывает улыбку.

Сейчас все мы видим, как разко изменилось отношение государства и сельскому хозяйству. На самом высоком уровне ищутся и предлагаются новые формы взаимодействия государственного и частного предпринимательства. А в культуре и в искусстве пока подобного разнообразия не предвидится. Нет на сегодняшний день четкой программы культурного строительства.

Думается, что по аналогии с сельскохозяйственной деятельностью художественному руководителю, лидеру необходимо предоставить возможность самому выбирать ту ситуацию, ту конструкцию, которая, на его взгляд, привнесет наилучшему результату.

Лидера надо искать не по безукоризненной биографии, а по идейно-эстетическим взглядам, пристрастиям, художественному направлению. Пусть это будет кооператива птициков, студия-театр, где главное дело — воспитание молодых актеров, театр на договоре с городом, как это сделали у нас в Волгограде, пусть это будет театр по типу старой добродой антре-предприятия на сезон-два. Но во всех этих случаях просто необходима финансовая помощь государства. Должны быть средства для развития рождающихся театров. В противном случае и эти ростки обречены на постепенное вымирание.

Думается, что настало время превести референдум, съезд режиссеров страны, где собирается не один «ведущий», дабы поделиться своими успехами, в каждый, кто считает себя профессионалом, смог бы свободно участвовать в обсуждении насущных, больших вопросов профессии и добиваться решений.

Еще думается, что несмотря на кризис, личность, роль режиссера по-прежнему остается основополагающей во всей системе театрального мира. Кто-то хорошо пошутил, сказав, что солдатам, разбившимся и терпящим нужды, нужны свои лидеры.

Пришла пора не бросать камни, а попытаться сорвать то, что осталось, уцелело после десятилетий «борьбы и побед». Хочется пожелать себе и всем нам — сид и терпения. Терпения и сил...

Ю. КОТОВ.

• Театр «Новая сцена», первая премьера. Актриса Г. Браженская в роли Лорак («Зевс на утреннем небе» А. Галиха). Фото А. Левинского.

Ю. КОТОВ.

Пока невозможна сказать.

Или, может быть, свобода какая-то не та? Или, пока на театре утверждалась администрации-хозяйственная власть директора.

Когда же все-таки произойдет?

Сердце сжалось от боли, когда я увидел своих коллег и знакомых в спиртоватом столице в буфете Дома актеров с плачевным «Товарищество режиссеров». Вот уж действительно: спасение утопающих — дело только их собственных рук!

Невероятно, но именно сами труппы сейчас

отторгают смелое, яркое, новое. Скука в потаски глазах.

— Я уже все перепробовал! — заявляет тридцатилетняя актриса. И становится «балластом» застое. Пора зреести и расцвети счастья и склонению 70-х — многие ли из них находятся в себе мужество жить настегна паконом того времени, многие ли сохранили право, не потерявшись, смотреть в глаза приходящей свободе?

Что ставить? К чему призывают? Не есть ли вообще в этом какой-то смысл? — раздаются голоса на худсоветах.

— А что вы можете показать со сцены такого, чего я, взрослый человек, не знаю или не испытал? — спрашивает рядовой зритель.

А действительно, что?

После того, как в поле широкого зрения попал расстригенный, затоптаный в вечную мерзлоту листья пласт нашей культуры, открылась катастрофа в «экологии духа». После всего, что дала обществу гласность, театр уже не мог выполнять свою прежнюю, годами отработанную функцию — подтверждая спектаклями правильность «линий» и иллюстрируя тексты передовых статей центральной или местной газеты. Попытка — но не смог.

Многие режиссеры стали безработными в годы застое, но становились ли мы работющими сейчас, найдем ли в себе силы, чтобы подняться над искушениями и обидами? Ведь вдохновение и сам талант — вещи далеко не постоянные, не поддающиеся консервации на неопределенно долгий срок.

Выхватывая из прошлого идею театра-студии, время неизмеримо активизировало поиски выхода из тупика. Все неудовлетворенное, невыказанное доселе, непоставленное — зазвучало в подвалах и других неприспособленных помещениях. Мы все невероятно обрадовались, оживились — вот, дескать, теперь нечего ждать милости от властей — твори, выдумывай... Но все оказалось настолько сложнее.

Во-первых, до сих пор нет четкого документа Министерства культуры, регламентирующего всю производственно-хозяйственную деятельность театров-студий. (Нас, например, отнесли к «третьей категории», хотя таковыми мы себя не считаем.)

Во-вторых, государственные органы, ведающие культурой, оказались неготовы и решению вопросов жизни и деятельности новых образований. У нас нет лимитов, нам ничего нельзя покупать, нам ничего не «положено». Предприятия-гаранты слабо заинтересованы в нашей работе, а финансовый доход от сборов лишь вызывает улыбку.

Сейчас все мы видим, как разко изменилось отношение государства и сельскому хозяйству. На самом высоком уровне ищутся и предлагаются новые формы взаимодействия государственного и частного предпринимательства. А в культуре и в искусстве пока подобного разнообразия не предвидится. Нет на сегодняшний день четкой программы культурного строительства.

Думается, что по аналогии с сельскохозяйственной деятельностью художественному руководителю, лидеру необходимо предоставить возможность самому выбирать ту ситуацию, ту конструкцию, которая, на его взгляд, привнесет наилучшему результату.

Лидера надо искать не по безукоризненной биографии, а по идейно-эстетическим взглядам, пристрастиям, художественному направлению. Пусть это будет кооператива птициков, студия-театр, где главное дело — воспитание молодых актеров, театр на договоре с городом, как это сделали у нас в Волгограде, пусть это будет театр по типу старой добродой антре-предприятия на сезон-два. Но во всех этих случаях просто необходима финансовая помощь государства. Должны быть средства для развития рождающихся театров. В противном случае и эти ростки обречены на постепенное вымирание.

Думается, что несмотря на кризис, личность, роль режиссера по-прежнему остается основополагающей во всей системе театрального мира. Кто-то хорошо пошутил, сказав, что солдатам, разбившимся и терпящим нужды, нужны свои лидеры.

Пришла пора не бросать камни, а попытаться сорвать то, что осталось, уцелело после десятилетий «борьбы и побед». Хочется пожелать себе и всем нам — сид и терпения. Терпения и сил...

Ю. КОТОВ.

• Театр «Новая сцена», первая премьера. Актриса Г. Браженская в роли Лорак («Зевс на утреннем небе» А. Галиха). Фото А. Левинского.

Ю. КОТОВ.

Пока невозможна сказать.

Или, может быть, свобода какая-то не та? Или, пока на театре утверждалась администрации-хозяйственная власть директора.

Когда же все-таки произойдет?

Сердце сжалось от боли, когда я увидел своих коллег и знакомых в спиртоватом столице в буфете Дома актеров с плачевным «Товарищество режиссеров». Вот уж действительно: спасение утопающих — дело только их собственных рук!

Невероятно, но именно сами труппы сейчас

отторгают смелое, яркое, новое. Скука в потаски глазах.

— Я уже все перепробовал! — заявляет тридцатилетняя актриса. И становится «балластом» застое. Пора зреести и расцвети счастья и склонению 70-х — многие ли из них находятся в себе мужество жить настегна паконом того времени, многие ли сохранили право, не потерявшись, смотреть в глаза приходящей свободе?

Что ставить? К чему призывают? Не есть ли вообще в этом какой-то смысл? — раздаются голоса на худсоветах.

— А что вы можете показать со сцены такого, чего я, взрослый человек, не знаю или не испытал? — спрашивает рядовой зритель.

А действительно, что?

После того, как в поле широкого зрения попал расстригенный, затоптаный в вечную мерзлоту листья пласт нашей культуры, открылась катастрофа в «экологии духа». После всего, что дала обществу гласность, театр уже не мог выполнять свою прежнюю, годами отработанную функцию — подтверждая спектаклями правильность «линий» и иллюстрируя тексты передовых статей центральной или местной газеты. Попытка — но не смог.

Многие режиссеры стали безработными в годы застое, но становились ли мы работющими сейчас, найдем ли в себе силы, чтобы подняться над искушениями и обидами? Ведь вдохновение и сам талант — вещи далеко не постоянные, не поддающиеся консервации на неопределенно долгий срок.

Выхватывая из прошлого идею театра-студии, время неизмеримо активизировало поиски выхода из тупика. Все неудовлетворенное, невыказанное доселе, непоставленное — зазвучало в подвалах и других неприспособленных помещениях. Мы все невероятно обрадовались, оживились — вот, дескать, теперь нечего ждать милости от властей — твори, выдумывай... Но все оказалось настолько сложнее.

Сейчас все мы видим, как разко изменилось отношение государства и сельскому хозяйству. На самом высоком уровне ищутся и предлагаются новые формы взаимодействия государственного и частного предпринимательства. А в культуре и в искусстве пока подобного разнообразия не предвидится. Нет на сегодняшний день четкой программы культурного строительства.

Думается, что по аналогии с сельскохозяйственной деятельностью художественному руководителю, лидеру необходимо предоставить возможность самому выбирать ту ситуацию, ту конструкцию, которая, на его взгляд, привнесет наилучшему результату.

Лидера надо искать не по безукоризненной биографии, а по идейно-эстетическим взглядам, пристрастиям, художественному направлению. Пусть это будет кооператива птициков, студия-театр, где главное дело — воспитание молодых актеров, театр на договоре с городом, как это сделали у нас в Волгограде, пусть это будет театр по типу старой добродой антре-предприятия на сезон-два. Но во всех этих случаях просто необходима финансовая помощь государства. Должны быть средства для развития рождающихся театров. В противном случае и эти ростки обречены на постепенное вымирание.

Думается, что несмотря на кризис, личность, роль режиссера по-прежнему остается основополагающей во всей системе театрального мира. Кто-то хорошо пошутил, сказав,

ПОМНИМ

А недавно была лишь осень...

Знаете, каким мне запомнился Сергей Александрович Мартинсон! Москва. Улица Горького. Солнечный осенний день. По главному проему театру шел для очаровательные женщины. Стойкие, золотые, в просторном пальто. Женщины придерживали пальчиками лышины прически, чтобы они не застилали голубые глаза. А из под ложки ведет элегантный Мартинсон. И все трое хохотут.

Осень Мартинсона!

Никогда зрителям не было дела до того, сколько ему лет. Он был для нас молод, потом моложе, потом моложе. Это всегда был самый изящный артист советского кинематографа. А ведь он был, дело прошло, но совсем весь не прекрасный и играл черт-какие образы. А мы этого словно и не замечали. Сокрушительного обаяния был человек! Мы с ним вместе хохотали над его придумками. Вспоминаю тогда бы Дурмана в «Золотом ключике». Распрепаристый герой из Мартинсона, потешающегося над этой мерзостью. Очаровательного Мартинсона.

А «фразочки» Мартинсона! Утром выходил на экраны «Антон Иванович сердитый» или «Подари разведчику». А в вечеру стране уже ходила фразами и нитончиками его персонажи. Он как бы овеществлял текст, пускал его в ход нашей жизни. С ним было веселее жить.

Его юмор был искрометен, Юмор, несмотря ни на что. Он был солдатом оптимизма в годы войны. Ведь

именно тогда вышла классическая, на мой взгляд, «Свадьба». Ах, телевизор! Яты! Мы веселили друг друга целями тирадами из его текстов.

Как вы понимаете, я не помню, каким мальчиком был Сережа Мартинсон, но добрым фильм «Сказка о потерянном времени» напомнил приподнял завесу над годами. Так вот, видимо, таким Сережа был — виртуозный, удивительный, неподобный. Уже потом мы с Сергеем Александровичем писали альбомы его семейных фотографий. А он при этом говорил, говорил... Ах какой же он был хороший, ласковый человек.

Мне не раз приходилось слышать о Мартинсоне от актеров. Даже когда я еще не был у «поглавлен» его. И любой из них подчеркивал со знанием свое «ученичество» у Мартинсона. Это было своего рода «изнасилование». Конечно, кому же не хочется быть причастным к искрометному мастерству Мартинсона.

Сергей Александрович был безбедный щедр к людям. Корифей ведь, вступина с актерами, поклонист с режиссерами. И мужественно необразованность в пору последнего заката. Мне даже кажется, это благородство обострилось, испытывая недуги.

Но сегодня давайте улыбнемся, вспомним Сергея Александровича. Он хотел непременно этого. Улица Горького, Красные женщины. Мартинсон. Солнечная осень! Ах как она недавно была. Но кончается и осень.

Э. ГРАФОВ.

ВНИМАНИЕ: ДЕБЮТИ**Болея за «Спартак»**

Молодой кинодраматург Надежда Конюшанова с неохотой рассказывала мне о своем новом сценарии «Муж и дочь Тамары Александровны». Помнила плечами, отшивалась, а потом сказала наконец, что фильм, дескать, расскажет историю обыкновенной семьи, где все — мама, папа и триццатилетняя дочь — болеют за команду «Спартак» и благополучия этой несерьезной страсти сумели сберечь любовь.

Но в отснятом, уж частично озвученном и смонтированном материале, который мне показывали на «Мосфильме» Ольга Неруцкая, постановщица ленты, я как-то не обнаружил особых спортивных страстей. Правда, в финальном эпизоде избитый хулиганом до полусмерти главный герой (артист А. Галибин) истощенно кричал: «Спартаковцы блюют, и на его зов бежала бывшая сестра, с которой они уже давно были в разводе» (в ее игре В. Малютина). Режиссер посыпал мне при встрече, что в ее фильме

моты спортивных пристрастий во взаимоотношениях членов этой семьи на первый взгляд многого кажутся странными, нестолько, что будущим зрителям, полагаю, трудно даже будет сразу разобраться: кто есть кто и почему все так ма-

ются и суетятся. Тамара Александровна «внешнего старше своего бывшего мужа, было когда-то его школьной учительницей и теперь вот учит собственную дочь и ее сверстников, а девочка более всего рвется в дружбе со своим моложавым шебутным отцом. Каждый пытается по-своему и очень независимо искать правду в смысле жизни, и оказывается, что из поступков и мыслях странным образом перемещиваются все грани детского и взрослого.

Считается, что сценаристы и режиссеры особо не обходят большой жизненный опыт, — говорит Неруцкая.

«Жизнь и в самом деле подбрасывает нам каждый день удивительный материал для творческого осмысливания, но ведь и мы сами ежедневно меняемся. Так что нас учит не только жизненный опыт, но и наши собственные фильмы, и, конечно же, зрители, встречающиеся с которыми у нас впереди.

Н. НАТАЛЬИНА.

моты спортивных пристрастий во взаимоотношениях членов этой семьи на первый взгляд многого кажутся странными, нестолько, что будущим зрителям, полагаю, трудно даже будет сразу разобраться: кто есть кто и почему все так ма-

ются и суетятся. Тамара Александровна «внешнего старше своего бывшего мужа, было когда-то его школьной учительницей и теперь вот учит собственную дочь и ее сверстников, а девочка более всего рвется в дружбе со своим моложавым шебутным отцом. Каждый пытается по-своему и очень независимо искать правду в смысле жизни, и оказывается, что из поступков и мыслях странным образом перемещиваются все грани детского и взрослого.

Считается, что сценаристы и режиссеры особо не обходят большой жизненный опыт, — говорит Неруцкая.

«Жизнь и в самом деле подбрасывает нам каждый день удивительный материал для творческого осмысливания, но ведь и мы сами ежедневно меняемся. Так что нас учит не только жизненный опыт, но и наши собственные фильмы, и, конечно же, зрители, встречающиеся с которыми у нас впереди.

Н. НАТАЛЬИНА.

моты спортивных пристрастий во взаимоотношениях членов этой семьи на первый взгляд многого кажутся странными, нестолько, что будущим зрителям, полагаю, трудно даже будет сразу разобраться: кто есть кто и почему все так ма-

ются и суетятся. Тамара Александровна «внешнего старше своего бывшего мужа, было когда-то его школьной учительницей и теперь вот учит собственную дочь и ее сверстников, а девочка более всего рвется в дружбе со своим моложавым шебутным отцом. Каждый пытается по-своему и очень независимо искать правду в смысле жизни, и оказывается, что из поступков и мыслях странным образом перемещиваются все грани детского и взрослого.

Считается, что сценаристы и режиссеры особо не обходят большой жизненный опыт, — говорит Неруцкая.

«Жизнь и в самом деле подбрасывает нам каждый день удивительный материал для творческого осмысливания, но ведь и мы сами ежедневно меняемся. Так что нас учит не только жизненный опыт, но и наши собственные фильмы, и, конечно же, зрители, встречающиеся с которыми у нас впереди.

Н. НАТАЛЬИНА.

моты спортивных пристрастий во взаимоотношениях членов этой семьи на первый взгляд многого кажутся странными, нестолько, что будущим зрителям, полагаю, трудно даже будет сразу разобраться: кто есть кто и почему все так ма-

ются и суетятся. Тамара Александровна «внешнего старше своего бывшего мужа, было когда-то его школьной учительницей и теперь вот учит собственную дочь и ее сверстников, а девочка более всего рвется в дружбе со своим моложавым шебутным отцом. Каждый пытается по-своему и очень независимо искать правду в смысле жизни, и оказывается, что из поступков и мыслях странным образом перемещиваются все грани детского и взрослого.

Считается, что сценаристы и режиссеры особо не обходят большой жизненный опыт, — говорит Неруцкая.

«Жизнь и в самом деле подбрасывает нам каждый день удивительный материал для творческого осмысливания, но ведь и мы сами ежедневно меняемся. Так что нас учит не только жизненный опыт, но и наши собственные фильмы, и, конечно же, зрители, встречающиеся с которыми у нас впереди.

Н. НАТАЛЬИНА.

моты спортивных пристрастий во взаимоотношениях членов этой семьи на первый взгляд многого кажутся странными, нестолько, что будущим зрителям, полагаю, трудно даже будет сразу разобраться: кто есть кто и почему все так ма-

ются и суетятся. Тамара Александровна «внешнего старше своего бывшего мужа, было когда-то его школьной учительницей и теперь вот учит собственную дочь и ее сверстников, а девочка более всего рвется в дружбе со своим моложавым шебутным отцом. Каждый пытается по-своему и очень независимо искать правду в смысле жизни, и оказывается, что из поступков и мыслях странным образом перемещиваются все грани детского и взрослого.

Считается, что сценаристы и режиссеры особо не обходят большой жизненный опыт, — говорит Неруцкая.

«Жизнь и в самом деле подбрасывает нам каждый день удивительный материал для творческого осмысливания, но ведь и мы сами ежедневно меняемся. Так что нас учит не только жизненный опыт, но и наши собственные фильмы, и, конечно же, зрители, встречающиеся с которыми у нас впереди.

Н. НАТАЛЬИНА.

моты спортивных пристрастий во взаимоотношениях членов этой семьи на первый взгляд многого кажутся странными, нестолько, что будущим зрителям, полагаю, трудно даже будет сразу разобраться: кто есть кто и почему все так ма-

ются и суетятся. Тамара Александровна «внешнего старше своего бывшего мужа, было когда-то его школьной учительницей и теперь вот учит собственную дочь и ее сверстников, а девочка более всего рвется в дружбе со своим моложавым шебутным отцом. Каждый пытается по-своему и очень независимо искать правду в смысле жизни, и оказывается, что из поступков и мыслях странным образом перемещиваются все грани детского и взрослого.

Считается, что сценаристы и режиссеры особо не обходят большой жизненный опыт, — говорит Неруцкая.

«Жизнь и в самом деле подбрасывает нам каждый день удивительный материал для творческого осмысливания, но ведь и мы сами ежедневно меняемся. Так что нас учит не только жизненный опыт, но и наши собственные фильмы, и, конечно же, зрители, встречающиеся с которыми у нас впереди.

Н. НАТАЛЬИНА.

моты спортивных пристрастий во взаимоотношениях членов этой семьи на первый взгляд многого кажутся странными, нестолько, что будущим зрителям, полагаю, трудно даже будет сразу разобраться: кто есть кто и почему все так ма-

ются и суетятся. Тамара Александровна «внешнего старше своего бывшего мужа, было когда-то его школьной учительницей и теперь вот учит собственную дочь и ее сверстников, а девочка более всего рвется в дружбе со своим моложавым шебутным отцом. Каждый пытается по-своему и очень независимо искать правду в смысле жизни, и оказывается, что из поступков и мыслях странным образом перемещиваются все грани детского и взрослого.

Считается, что сценаристы и режиссеры особо не обходят большой жизненный опыт, — говорит Неруцкая.

«Жизнь и в самом деле подбрасывает нам каждый день удивительный материал для творческого осмысливания, но ведь и мы сами ежедневно меняемся. Так что нас учит не только жизненный опыт, но и наши собственные фильмы, и, конечно же, зрители, встречающиеся с которыми у нас впереди.

Н. НАТАЛЬИНА.

моты спортивных пристрастий во взаимоотношениях членов этой семьи на первый взгляд многого кажутся странными, нестолько, что будущим зрителям, полагаю, трудно даже будет сразу разобраться: кто есть кто и почему все так ма-

ются и суетятся. Тамара Александровна «внешнего старше своего бывшего мужа, было когда-то его школьной учительницей и теперь вот учит собственную дочь и ее сверстников, а девочка более всего рвется в дружбе со своим моложавым шебутным отцом. Каждый пытается по-своему и очень независимо искать правду в смысле жизни, и оказывается, что из поступков и мыслях странным образом перемещиваются все грани детского и взрослого.

Считается, что сценаристы и режиссеры особо не обходят большой жизненный опыт, — говорит Неруцкая.

«Жизнь и в самом деле подбрасывает нам каждый день удивительный материал для творческого осмысливания, но ведь и мы сами ежедневно меняемся. Так что нас учит не только жизненный опыт, но и наши собственные фильмы, и, конечно же, зрители, встречающиеся с которыми у нас впереди.

Н. НАТАЛЬИНА.

моты спортивных пристрастий во взаимоотношениях членов этой семьи на первый взгляд многого кажутся странными, нестолько, что будущим зрителям, полагаю, трудно даже будет сразу разобраться: кто есть кто и почему все так ма-

ются и суетятся. Тамара Александровна «внешнего старше своего бывшего мужа, было когда-то его школьной учительницей и теперь вот учит собственную дочь и ее сверстников, а девочка более всего рвется в дружбе со своим моложавым шебутным отцом. Каждый пытается по-своему и очень независимо искать правду в смысле жизни, и оказывается, что из поступков и мыслях странным образом перемещиваются все грани детского и взрослого.

Считается, что сценаристы и режиссеры особо не обходят большой жизненный опыт, — говорит Неруцкая.

«Жизнь и в самом деле подбрасывает нам каждый день удивительный материал для творческого осмысливания, но ведь и мы сами ежедневно меняемся. Так что нас учит не только жизненный опыт, но и наши собственные фильмы, и, конечно же, зрители, встречающиеся с которыми у нас впереди.

Н. НАТАЛЬИНА.

моты спортивных пристрастий во взаимоотношениях членов этой семьи на первый взгляд многого кажутся странными, нестолько, что будущим зрителям, полагаю, трудно даже будет сразу разобраться: кто есть кто и почему все так ма-

ются и суетятся. Тамара Александровна «внешнего старше своего бывшего мужа, было когда-то его школьной учительницей и теперь вот учит собственную дочь и ее сверстников, а девочка более всего рвется в дружбе со своим моложавым шебутным отцом. Каждый пытается по-своему и очень независимо искать правду в смысле жизни, и оказывается, что из поступков и мыслях странным образом перемещиваются все грани детского и взрослого.

Считается, что сценаристы и режиссеры особо не обходят большой жизненный опыт, — говорит Неруцкая.

«Жизнь и в самом деле подбрасывает нам каждый день удивительный материал для творческого осмысливания, но ведь и мы сами ежедневно меняемся. Так что нас учит не только жизненный опыт, но и наши собственные фильмы, и, конечно же, зрители, встречающиеся с которыми у нас впереди.

Н. НАТАЛЬИНА.

моты спортивных пристрастий во взаимоотношениях членов этой семьи на первый взгляд многого кажутся странными, нестолько, что будущим зрителям, полагаю, трудно даже будет сразу разобраться: кто есть кто и почему все так ма-

ются и суетятся. Тамара Александровна «внешнего старше своего бывшего мужа, было когда-то его школьной учительницей и теперь вот учит собственную дочь и ее сверстников, а девочка более всего рвется в дружбе со своим моложавым шебутным отцом. Каждый пытается по-своему и очень независимо искать правду в смысле жизни, и оказывается, что из поступков и мыслях странным образом перемещиваются все грани детского и взрослого.

Считается, что сценаристы и режиссеры особо не обходят большой жизненный опыт, — говорит Неруцкая.

«Жизнь и в самом деле подбрасывает нам каждый день удивительный материал для творческого осмысливания, но ведь и мы сами ежедневно меняемся. Так что нас учит не только жизненный опыт, но и наши собственные фильмы, и, конечно же, зрители, встречающиеся с которыми у нас впереди.

Н. НАТАЛЬИНА.

моты спортивных пристрастий во взаимоотношениях членов этой семьи на первый взгляд многого кажутся странными, нестолько, что будущим зрителям, полагаю, трудно даже будет сразу разобраться: кто есть кто и почему все так ма-

ются и суетятся. Тамара Александровна «внешнего

Георги Стоянов, председатель Союза кинодраматиков НРБ:

«ВЫЙТИ ЗА РАМКИ ПРИВЫЧНОГО»

— В этом году, как и знают, болгарские друзья культуры намерены провести съезды своих творческих союзов. В связи с этим хотели бы услышать рассказ о том, что волнует сегодня руководителя Союза кинодраматиков.

— Я думаю, что сейчас, когда происходят значительные перемены в жизни общества, для художников важно, не ослабляя попыток проникновения в суть социальных и духовных, нравственных явлений, добиваться того, чтобы его работы были неуязвимы с художественной точки зрения. И союз, объединяющий людей, работающих в кино, должен этому всячески способствовать.

Сегодня у нас появилось немало интересных работ в документальном кино. И на этом этапе такое лидерство закономерно. Художественное кино сейчас тоже берется за темы, которые раньше были запретными, труднопроходимыми к зрителю, но пока это не всегда приводит к действительно художественному результату.

Что в этом смысле может сделать союз? Мы, например, видим, что многие сценаристы, режиссеры находятся в кругу одних и тех же тем, и поэтому стараемся помогать формированию репертуара. При двадцати картинах, выпускаемых в Болгарии в течение года, можно рассказать многое, поднимать один и тот же проблему непростительной роскоши. Я уже не говорю о том, что зрители увидят знакомый конфликт, но не обнаружат нового уровня художественности, зрелищности, просто голусов ногами. А все наши разговоры о том, что он, зритель, не дорос, нам, может быть, и удобны, но это не то дискурсия, которая могла бы помочь кино.

Думают, что наш Союз кинодраматиков в немалой степени способствовал тому, что сегодня наши творческие объединения сами решают, что снимать и как снимать. Привнесли они сюжетный смотр готовый фильм, который уже не говорит о том, что зритель увидит знакомый конфликт, но не обнаружит нового уровня художественности, зрелищности, просто голусов ногами. А все наши разговоры о том, что он, зритель, не дорос, нам, может быть, и удобны, но это не то дискурсия, которая могла бы помочь кино.

Но для того, чтобы выйти из колеи, нужна

еще и внутренняя свобода. Существует мнение, что вместе с лицензионной внешней запретов, с разрывом гласности в сознании автоматически исчезает то, что мы называем самодействием. Думают, что все же так просто. Внутренняя несвобода — довольно устойчивое состояние. Оно проходит лишь тогда, когда в обществе такие понятия, как демократия, гласность, станут быть живыми, сколь воздух и воды.

Поэтому, если сегодня мы видим немного прорывов художников за рамки привычного, стереотипного, то есть у этой скованности и субъективные, и объективные причины.

Хотя бы при этом сказать и о другом. Интересная, новая сценарная идея, талантливый режиссер, великолепные актеры — необходимые условия успеха. Но нельзя забывать, что кино — это производство. А если у производителя слабая база, то это неминуемо скаживается на качестве продукции.

В Софии проходит не так давно ретроспективный показ лучших фильмов мирового кино. Он еще раз показывает, что кино — это зрелище, требующее серьезных экономических затрат. Из-за ограниченности средств наши кинематографисты не показывают зрителям фильмы, в которых показывают сюжет. Мы находимся в жестких экономических рамках, поэтому сбываются на камерные истории, снимаемые в плохих интерьерах. Ведь для того, чтобы хорошо снять бюджетный квартал, тоже, оказывается, нужны серьезные затраты.

Вот почему и советское, и болгарское кино могут конкурировать на мировом уровне, кроме кинематографистов соревн.

— Тут сразу же возникает проблема, существующая, очевидно, у вас. Для того чтобы стать членом творческого союза, молодой человек должен вынужденно заявить о себе, сделать в кино то, что, доказывающее его кинематографическую предназначение. Не это часто уходит годы. В союз человека вступает уже немолодым. Конечно, надо сделать так, чтобы, с одной стороны, сохранить критерии приема в союз высокими, с другой — демократизировать прием.

Перестройка в болгарских творческих союзах предполагает, как и у нас, объединение и централизацию их фондов. Литфонд, фонд Союза кинодраматиков и другие союзы будут объединены для более оптималь-

ного и разумного использования. Как, на ваш взгляд, выиграет ли от этого кинематограф?

— Надо чтобы амбиции все — и кино, и музыка, и литература... Насколько разумным будет распределение, покажет время. Ясно, что центр такого новшества — более интенсивное развитие всей национальной культуры. Но я думаю, что надо изначально понимать различие между финансированием экспериментального фильма и организацией художественной выставки или изданием первой книги талантливого автора. Речь не только о разных искусствах, но и о разных суммах денег.

К сожалению, в искусстве всегда существует некий наименьший притяжения, как степень полезности созданного произведения. Этот критерий придуман не художниками. Они-то понимают — то, что полезно одному человеку, может не принести пользы другому.

Когда мы начнем спорить с теми, кто отстаивает лишь идею полезности, неправильности воспитательного эффекта произведения, мы сильно упрощаем разговор, связанный с присутствием искусства в жизни человека.

Если вернуться к кино, то оно, не мой взгляд, будет развиваться по пути усложнения, будет происходить дифференциация. Вот уже наступает видо. Даешься появится видо что-то.

Приступим к жизни в жизни человека будет многообразным.

— Раз уж заглядываем в будущее, то вопрос о взаимоотношениях союза с молодыми кинематографистами соревн.

— Тут сразу же возникает проблема, существующая, очевидно, у вас. Для того чтобы стать членом творческого союза, молодой человек должен вынужденно заявить о себе, сделать в кино то, что, доказывающее его кинематографическую предназначение. Не это часто уходит годы. В союз человека вступает уже немолодым. Конечно, надо сделать так, чтобы, с одной стороны, сохранить критерии приема в союз высокими, с другой — демократизировать прием.

Основная часть нашей молодежи получает кинематографическое образование в Болгарии. И конечно же, как и всюду, они болеют всеми

болезнями роста: сибирским, мания величины, поглощена собственными возможностями, легковесное отношение к художественным проблемам, всякого рода подражательство. Это, несомненно, неизбежно, и истинный талант сумеет все это преодолеть.

Меня другое волнует. Во время учебы молодые весьма далеки от того, что себе может сегодня позволить кино в техническом отношении. Они лишены возможности сразу начать работать на том техническом уровне, на котором работают мастера. То есть учебная база нуждается в сильной модернизации. И здесь союз тоже должен помочь.

Это техническая сторона дела. Есть еще и человеческая, личностная. Я, наблюдая за молодежью, вижу сегодня забытые искренности, желание выскакивать, упорство в защите своих идей, избранных форм творчества. И в то же время — очень слабое умение разговаривать на языке кино. Мало кто умеет антракт рассказать. Мало кто может заставить себя слушать — будь то абсурдистская или реалистическая история, ее все равно надо уметь рассказывать внятно, интересно. Я не знаю, насколько моя наблюдения можно соотнести с характером самого молодого поколения, с его пониманием сложности современного мира. Но полагаю, что Союз кинодраматиков должен каким-то образом способствовать тому, чтобы творческих неудач у молодых было меньше.

Наконец, союз должен уметь защищать художественное произведение любой степени сложности. Главное, конечно, чтобы такие произведения появлялись. И не только такие — любые, отмеченные знаком талантности.

Задач перед Союзом кинодраматиков Болгарии много. Так же как много интересных и важных задач перед самим болгарским обществом, переживающим сегодня серьезные перемены. А от состояния общества, как известно, зависит и состояние искусства.

Беседу вел Ю. СОЛОМОНОВ.
София — МОСКВА.

МИЛОСЕРДИЕ НЕ ЗНАЕТ ГРАНИЦ

Он вышел из гостиницы и тут же попал в окружение французских почитателей. «Шарль, — неспокойно отосподил — пристань!» Азизавур улыбался, кому-то кивал головой, пожимая протянутые руки... Он знал — здесь он свой, среди своих. В 1964 году популярный французский певец и композитор первый — и пока последний раз — выступил на концертах сценций нашей страны. А сегодня он приехал в Армению, на землю своих отцов, с кратким благотворительным визитом, сказанным с земледелием. Такое вот грустный повод для сидения с родиной через четверть века.

Узнав о стихийном бедствии, Шарль Азизавур развернула активную благотворительную деятельность в помощь пострадавшим. Он открыл специальный счет в парижском банке для денежных пожертвований, организовал концерты с участием известных исполнителей, выручку от которых пополнила фонд помощи жителям разрушенных городов и сел, а незадолго до приезда в Армению певец провел необычный аукцион с благотворительными целями. В числе раритетов на продажу был выставлен собственный двойной золотой диск. Средства, заработанные на аукционе, легли на счет армянских детских сирот.

Да, за тысячу миль от матери-Родины зарубежные армяне выполняют свою сыновнюю, патриотическую долг, движимые обожанием земли предков.

Для Азизавура это не просто эмоции, не просто абстрактные слова. Их прямой светлый смысл и чистую изысканность он познал давно, как часть семейной биографии. В 1915 году в дни османского геноцида вся родня матери были истреблены. Через 25 лет родители певца увенчали в охапкированной Франции фашизм в нацистской обличье. В доме Азизавуров в те дни находили прибежища бойцы Сопротивления, скрывавшиеся от преследований гестаповских ищек.

Сострадание к ближним, питанное с молоком матери, и позовал Шарль сегодня в дальнюю дорогу — в зону беды. Путешествие в Ленинакан и Спитак, естественно, было горем. Остовы разрушенных домов, пластины на голой земле, малолюдность улицы... Правда, ныне уже многое развалилось, убрано, заложено первые камни новых армянских очагов на пространстве, поруганном злом и жестокой стихией. Уже с трудом, но пробираются ульики на лицах, перенесших трагедию. Уже выпечены первый хлеб. Хлеб добре и грядущего счастья. Но еще болят душа, и не так скоро ей отойдет от большого горя... Не забудем — каждый выживший в стихийном бедствии обязан этим чуду. А каждый погибший — один из 25 тысяч...

Первый секретарь Ленинаканского горкома партии М. Миртчян рассказывает французскому гостю о ходе восстановления: работ и перспективы развития города, огромном вкладе братских советских республик в ликвидацию последствий землетрясения, благодарит и общественность Франции за помощь пострадавшим.

Вот диалог в городском комитете партии.

— Скажите, — спрашивает Азизавур, — сколько ленинаканцев погибли?

— Четырнадцать тысяч, чуть больше этого спасли из-под развалин.

— А скрот много?

— Нет. Детей, оставшихся без родителей, забрали к себе их близкие родственники.

— Ребенок без отца и матери все равно скрот...

— У нас в стране тысячи изъезжих желания усыновить, удочерить армянских детишек...

— Во Франции этого тоже хотят многие, но только, думается мне, малыши лучше будут в родной среде. Мне отрадно видеть, как разговаривают печальные морщинисты на лицах разрушенного города. Надежда рождается в труде и из труда.

Я приехал, чтобы как-то облегчить боль моей родины, — говорит Азизавур. — Мы готовы и вперед оказывать посильную помощь пострадавшим.

Одно из конкретных проявлений помощи зарубежных друзей — новый диагностический центр при Ленинаканской городской больнице, честь открытия которого была предоставлена Шарло Азизавуру.

— Центр — безвозмездныйдар общественной организации, носящей название «Медики без границ», — поясняет министр здравоохранения республики Эмиль Габриелян. — Новейшее оборудование и приборы позволяют поднять на высокий уровень диагностику больных.

— Певец шагает по городу, беседует с жителями. Короткая остановка у обелиска Возрождения.

— Армянский народ за свою многострадальную историю хлебнул беды смерти, но выстоял, — говорит Азизавур. — Выстоял потому, что глубоким и крепким его тысячелетние корни. Они, в свою очередь, не абсолютны, будут вечно питать его кровь, чтобы венчало землю драхо жизнью на этой земле.

У нашего гостя есть еще одна очень личная причина приезда: бабушка Шарль родом из Ленинакана.

— Нет ее больше, — грустно разводят он руками.

Печалил сегодня шансонье, полны скрота его глаза. Но вот что удивительно: общение с ним просветляло лица самых разных людей. Так было посюду: и на приеме в ЦК КП Армении, и на благотворительном концерте, и в Ереванской детской больнице, и на улицах Ленинакана и Спитака...

Наверное, потому, что милосердие не знает границ.

Иосиф ВЕРДИЯН.

(Наши соб. корр.).

Фото из журнала «Тайм» [США].

● Луанда. Жители ангольской столицы прощаются с убитыми военными-интернационалистами.

Фото из журнала «Тайм» [США].

СССР — КНР: АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Как сообщает Государственный комитет по делам просвещения ЮНЕСКО, в текущем году 600 китайских студентов, в том числе научных работников, аспирантов и студентов, будут направлены в СССР на преподавательскую работу, стажировку и учебу. Одновременно вузам Китая прибудут 320 советских студентов и аспирантов.

Кроме того, в рамках программы совместного обучения вузов Китая и Советского Союза в 1989 году в Китае пройдут семинары по изучению и классификации китайской культуры.

Среди содружественных учреждений вузов Китая и Советского Союза, в том числе и вузов Китая, в текущем году 600 китайских студентов, в том числе научных работников, аспирантов и студентов, будут направлены в СССР на преподавательскую работу, стажировку и учебу. Одновременно вузам Китая прибудут 320 советских студентов и аспирантов.

Партийные еще предстоит

помощь пострадавшим.

Одно из конкретных проявлений помощи зарубежных друзей — новый диагностический центр при Ленинаканской городской больнице, честь открытия которого была предоставлена Шарло Азизавуру.

— Центр — безвозмездныйдар общественной организации, носящей название «Медики без границ», — поясняет министр здравоохранения республики Эмиль Габриелян. — Новейшее оборудование и приборы позволяют поднять на высокий уровень диагностики больных.

— Певец шагает по городу, беседует с жителями. Короткая остановка у обелиска Возрождения.

— Армянский народ за свою многострадальную историю хлебнул беды смерти, но выстоял, — говорит Азизавур. — Выстоял потому, что глубоким и крепким его тысячелетние корни. Они, в свою очередь, не абсолютны, будут вечно питать его кровь, чтобы венчало землю драхо жизнью на этой земле.

У нашего гостя есть еще одна очень личная причина приезда: бабушка Шарль родом из Ленинакана.

— Нет ее больше, — грустно разводят он руками.

Печалил сегодня шансонье, полны скрота его глаза. Но вот что удивительно: общение с ним просветляло лица самых разных людей. Так было посюду: и на приеме в ЦК КП Армении, и на благотворительном концерте, и в Ереванской детской больнице, и на улицах Ленинакана и Спитака...

Наверное, потому, что милосердие не знает границ.

Иосиф ВЕРДИЯН.

(Наши соб. корр.).

